

Е.И.Тарутина

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И «БЕСПАМЯТНОСТЬ»

В статье раскрывается содержание пары понятий «социальная память» – «беспамятность». Автор обращает внимание на основные механизмы формирования и функционирования социальной памяти, а также на главные факторы утраты социального опыта, обозначенной как «беспамятность».

Ключевые слова: социальная память, беспамятность, менталитет, социальные ценности, социальный опыт, социально значимая информация, самоидентификация, идеология.

SOCIAL MEMORY AND FORGETTING

The article defines the pair of concepts «social memory – forgetting». The author draws attention to the major mechanisms of social memory formation and functioning as well as to the main factors of social experience loss labeled as «forgetting».

Key words: social memory, forgetting, mentality, social values, social experience, valuable social information, identity, ideology.

Понятие «социальная память» оформилось в качестве научного термина в русскоязычной литературе в 70-х гг. XX в. Основная заслуга в этом принадлежит известным советским исследователям Ю.А. Леваде, В.А. Ребрину, Я.К. Ребане. Они способствовали замене разных словосочетаний, близких по смыслу («память человечества», «память мира», «коллективный мозг», «коллективная память» и т.п.), но не обладающих теоретической определенностью, на понятие, которое приобрело в их работах необходимую глубину и концептуальную емкость.

В отечественной и зарубежной литературе анализ социальной памяти сопровождается словесными метафорами, призванными выразить ускользающие, трудно поддающиеся описанию особенности этого феномена: «социальные эстафеты» и «куматоиды» (М.А. Розов), «ризомы» и «складки» (Гваттари и Делёз), «места памяти» (П. Нора), «коммеративная плотность», «коллективная амнезия» и «контрпамять» (Я. Зерубавель), «социальные рамки» и «ориентир» (М. Хальбвакс). Каждая из этих метафор обладает определенными достоинствами и может быть использована при исследовании качественных, структурных или функциональных особенностей социальной памяти.

Но прежде всего следует дать краткую характеристику общих положений, в понимании которых разными исследователями достигнуто определенное единство.

Главное качество социальной памяти – несводимость ее к сумме индивидуальных памятей. Надывидуальный характер социальной памяти обеспечивает сохранение общественно значимого опыта. Именно эта особенность социальной памяти порождает разнообразные социокультурные

средства упорядочения и отбора актуальной социальной информации. С развитием знаковых систем и способов сохранения информации расширяется и набор социальных институтов, в функции которых входит сохранение и преобразование, отбор и актуализация социального опыта.

Следующий момент, учет которого необходим при дальнейшем изучении социальной памяти, – это несводимость ее к памяти исторической. Сохранение события в массовом сознании не всегда точно соотносено с определенным местом и датой, поскольку сохраняется не столько само событие, сколько его смысл для современников и потомков. М. Хальбвакс дал определение коллективной (социальной) памяти, проведя четкое различие между ней и другими формами памяти – автобиографической памятью личности и историческим сознанием [5]. П. Нора обосновал противопоставление истории (исторической памяти) социальной памяти (ее он называл просто «память»): «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого» [3, с. 18].

Социальная память живет и проявляется, прежде всего, в сознании живущих людей. Индивидуальные общественные ценности, усвоенные ими, становятся стимулами и к расширению личного багажа социального опыта, и к использованию прошлого для решения сегодняшних задач. Они же определяют отбор информации для сохранения и закрепления в личной, семейной, коллективной памяти. В период советской власти, например, обезличивающий подход к человеку, фиксировавший только формальную принадлежность его к определенному социальному слою («из крестьян», «из служащих»), подавлял индивидуальные усилия по поиску своих корней, истоков своего рода. Иногда активность в восстановлении памяти о предках представляла серьезную опасность для жизни и благополучия занятого этим человека. В период острой борьбы победивших большевиков с «чуждыми элементами» массово уничтожались семейные альбомы и другие свидетельства социальной принадлежности, изменялись фамилии, замалчивались или сочинялись новые эпизоды личной биографии. Напротив, официальная идентификация достигалась через подчеркивание принадлежности к социальному целому («я – сын трудового народа», «мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»).

После крушения советской идеологии произошла резкая активизация массового поиска основы самоидентификации: по национальному, религиозному, региональному (сибиряки, дальневосточники), сословному (дворяне, казаки и т.п.) основаниям.

Для сохранения социально значимой информации, ее овеществления, реконструкции, тиражирования созданы архивы, музеи, мемориалы – всё то, что П. Нора называл «местами памяти»: «Места памяти (*lieux de mémoire*) рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, приносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [3, с. 20.]

Определение того, что социально значимо, всегда связано с идеологией, поскольку любая идеология исходит из определенным образом познанного прошлого и сконструированного будущего. Закрепление требуемого опыта возможно различными способами. Например, государство, заинтересованное в уважении населением изданных им законов, на протяжении веков прибегало к формам физического насилия. В «Генеалогии морали» Ф. Ницше, характеризуя значение архаических форм

пытках и казней, использовал понятие «кровавая мнемотехника наказания»: она обеспечивает воспроизводство особой социальной памяти и, следовательно, уважение к закону, поскольку сам закон *прямо* записывается на человеческом теле, формируя *тело-память* [2]. Публичные казни, применяемые в современном Китае и ряде мусульманских стран, помимо демонстрации неотвратимости наказания за нарушение закона, имеют целью и устрашение, закрепляя в памяти образ физического страдания. Насколько действенна эта мера, нам нетрудно представить: как у евреев жива память о погромах, так и у жителей нашей страны жива память о сталинских репрессиях. Напротив, современная массмедийная, кажущаяся легкомысленной, демонстрация насилия служит цели вытеснения памяти о прошлом насилии, о прошлой боли, постепенно заменяя ее зрелищем новой боли (насилием, не направляемым со стороны государства) и, что представляет социальную опасность, привыканием в ней. К такого же рода воздействию на социальную память приводит и многократный показ нарушения справедливости при соблюдении формальной законности судебного расследования. В массовом сознании закрепляется память о собственной незащищенности, бессмысленности противостояния власти – и, как результат, из поколения в поколение воспроизводится такая особенность российского менталитета как «безмолвование», за которым скрывается правовой нигилизм («от сумы да от тюрьмы не зарекайся», «закон, что дышло, – куда повернул, туда и вышло»).

Передача накопленного социального опыта от поколения к поколению подобна передаче эстафетной палочки от одного бегуна к другому. Эта метафора, введенная М.А. Розовым, отражает главный смысл существования и функционирования социальной памяти. Но она дает упрощенный образ происходящего, вот почему понятие социальной эстафеты было дополнено этим же философом понятием «куматоид»: «Для более полного понимания того, что такое социальная эстафета, полезно сопоставить ее с волной. Представьте себе одиночную волну, бегущую по поверхности водоема. Она может перемещаться на значительное расстояние, но это вовсе не означает, что частицы воды движутся вместе с ней в том же направлении. Иными словами, волна захватывает в сферу своего действия все новые и новые частицы, непрерывно обновляя себя по материалу. Эстафета в указанном плане напоминает волну, она тоже проявляет относительное безразличие к тому или иному конкретному материалу, постоянно меняя как своих участников, так и те объекты, с которыми они действуют. <...> Будем называть такие волноподобные объекты куматоидами (от греческого κύμα – волна). Социальная эстафета – это простейший пример социального куматоида» [4, с. 169].

Инструментом, с помощью которого М. Хальбвак анализирует социальную память, служит понятие «рамка» (*cadre*). Опорные, базовые социальные воспоминания, образующие «рамку», часто называются у Хальбвакса «ориентирами»: даже в сознании отдельного человека запоминание и припоминание фактов обусловлено по ряду важнейших параметров «рамками» и «ориентирами», которые создаются обществом (речью, представлениями о пространстве и времени и т.д.) [6]. Труды М. Хальбвакса, в которых подчеркивалось значение социального контекста, «социальных рамок» (*cadres sociaux*) для понимания коллективной памяти, способствовали изучению различных аспектов поминания/коммеморации – сохранения в общественном сознании памяти о каких-то значимых событиях прошлого, «увековечивания памяти» о прошлом.

Во взаимоотношениях прошлого и настоящего, помимо линейной связи (так сказать, вертикальной, «социальной эстафеты»), можно обнаружить и нелинейную (горизонтальную), обозначенную Гваттари и Делёзом термином «ризом». Вот как Ж. Делёз характеризует ризому: «Ризома – это антигенеалогия. Ризома – это краткосрочная память, или антипамять. Ризома действует вариацией, экспансией, завоеванием, захватом, прокальванием. <...> Против систем централизованных (даже полицентрированных), иерархической коммуникации и предустановленных связей ризома – это ак-

центрированная система, не иерархическая и без означающего, без Генерала, без организующей памяти или центрального автомата, определяемая только циркуляцией состояний»[1, с. 32].

Думается, что данное понятие может быть использовано как инструмент объяснения эффекта странной беспамятности, касающейся событий личной или общественной жизни, причем событий недавнего прошлого. Вероятно, если события не вписываются в генерализированное направление, нейтральны или противоречат ему, они стираются из социальной памяти удивительно быстро. Таким образом, например, можно объяснить утрату жителями Восточной Европы благодарной памяти о роли Советского Союза в освобождении их стран от оккупации в годы Второй мировой войны. Но если происшедшее значимо для устоявшейся системы ценностей и оценок, оно приобретает отчетливо выраженный характер, многократно фиксируется (отражается в официальных документах, СМИ, в искусстве и фольклоре).

Первой естественной причиной социальной «беспамятности» всегда был уход из жизни носителей события. Рассказы очевидцев воспринимаются не как обыденное, рутинное явление, а как нечто эмоционально затрагивающее. Отсутствие же очевидцев или же сокрытие ими данного события препятствуют сохранению последнего в социальной памяти. К сожалению, после смерти очевидцев нередко уходит «за рамки» социальной памяти и само событие.

Второй причиной социальной беспамятности является отсутствие знаковой фиксации, кодификации. В настоящее время объектом научного интереса стал дискурс, т.е. весь мыслительный материал (научный и вненаучный), который имеется по поводу того или иного события. Особое место в современных исторических текстах приобрел нарратив: исследуются личные воспоминания, дневники, письма, коллекции, бытовые вещи и повседневные связи между людьми и т.д. Реконструкция ушедшего (зачастую – по разрозненным, разноформатным источникам) необходима для понимания процессов, происходящих в социальной памяти. Можно сказать, что явлением наших дней стала социокультурная направленность реконструкции, которая впитала в себя историко-политическую реконструкцию, но существенно расширила и обогатила ее. Публикации историко-культурного характера вызывают живой отклик у читателей и телеаудитории.

Третья причина стирания из социальной памяти событий связана с естественным разрушением или же уничтожением носителей информации в результате стихийных событий или войн. По всему миру, особенно в Европе, существует множество архитектурных «новоделов», в домах-музеях деятелей литературы и искусства нередко вместо подлинников представлены похожие предметы из того же времени или воссозданные по сохранившимся источникам.

Но, пожалуй, наиболее пагубным для сохранения события в социальной памяти является конструирующая деятельность идеологов, представляющих событие в таком свете, в котором оно служит подтверждением некой генеральной идеи. Конструирующая деятельность идеологов очевидна: переписывание школьных учебников по истории с изъятием «неудобных» для генеральной линии событий, снос памятников, разрушение мемориалов или культовых сооружений и т.п. В экстремистской форме решение задачи подмены реконструкции конструкцией приводит к кострам из книг, физическому устранению противников, распространяющих противоположный взгляд на те же события и иную их оценку.

Современный ритм и наполненность жизни стали базой формирования новой причины социальной беспамятности – информационной перенасыщенности. Переизбыток впечатлений, которые захлестывают людей, порождает необходимость как-то сложить их, свести концы с концами, чтобы хоть что-то запомнить. Возникают так называемые «складки», внутрь которых уходит, подчас безвозвратно, часть информации о событии. Действие этой причины особенно явно в наше время. Развитие средств коммуникации, многоголосие информативных источников препятствуют созданию объ-

емного образа события, рутинизирует его, лишает исключительности. События стираются новыми событиями с такой быстротой, с какой не может справиться человеческая память.

Поколение молодых, родившихся и выросших в условиях активного воздействия мобильной связи и Интернета, обладает широкой осведомленностью, но мало на что эмоционально откликается и считает необходимым помнить. Более того, в качестве защитной реакции на шквал информации молодежь стала отгораживаться от того, что предлагается в качестве исторического опыта поколений. Свои собственные музыкальные предпочтения, свой круг чтения и выбор кинофильмов, свои способы развлечения и своя молодежная манера одеваться, – во всем этом можно видеть как естественную потребность самоидентификации, так и серьезную угрозу возникновения разрыва между поколениями.

Утрате важных массивов социальной памяти способствует и массовое падение в нашей стране уровня культуры, происшедшее за последние четверть века. Огрубление, упрощение языка и повседневного поведения, снисходительное отношение к разрушению нормативности образа жизни, недоразвитость чувств, прежде всего патриотических и т.п. – всё это ведет и к утрате разборчивости, ценностного отбора впечатлений, что не может не вызывать тревогу, поскольку социальная память дает обществу возможность осознать свое место в истории, обосновать значимость собственной культуры, соотнести ее с общечеловеческими ценностями и ценностями других культур. Она – социальный капитал, который надлежит сохранять и приумножать.

1. Делёз, Ж, Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения. – Кн. 1. Тысяча плато // Ж. Делёз, Ф. Гваттари / пер. с фр. Я. Свирского. – М.: У-Акватория; Астрель, 2010. – 895 с.

2. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего. К генеалогии морали: полемическое сочинение / пер. К.А. Свасьяна. – М.: Академический проект, 2004. – 396 с.

3. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция – память: сборник / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Халаева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 17-50.

4. Розов, М.А. Что такое «теория социальных эстафет»? // На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском академгородке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – С. 167-178.

5. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.